

Т. В. Лебедева 33 ГОДА НА ЖУРФАКЕ

Три звонка судьбы

Мой путь в науку был долгим и тернистым, хотя рецензент моего диплома профессор МГУ Елена Петровна Любарева звала меня к себе в аспирантуру сразу после окончания университета. Я тогда побоялась, что плохо сдам иностранный язык: в МГУ нам поменяли немецкий на французский, а потом как-то втянулась в практическую журналистику и надолго забыла о приглашении Елены Петровны. Хотя в подсознании что-то такое, вероятно, жило: диплом был на тему «Русское зарубежье в творчестве Алексея Толстого». Я месяца три безвылазно сидела в архиве ИМЛИ и сохранила интерес к теме русского зарубежья по сию пору. Моя докторская диссертация и две монографии тоже были посвящены русскому зарубежью.

Итак, я мирно работала старшим редактором детских и молодежных программ в Ярославском областном комитете по телевидению и радиовещанию, вся моя педагогическая деятельность ограничивалась работой с юнкорами, что было довольно интересно и престижно: мои юные воспитанники с полными альбомами публикаций поступали на журфаки МГУ, ЛГУ и в Литинститут. Но однажды случилось следующее: мой коллега Бронислав Табачников поступил в аспирантуру и вслед за своим профессором Генкиным собрался переезжать в Воронеж. Всем было жалко расставаться с таким юмористом, умницей и надежным другом. Сидели мы с ним в коридорчике на выдавшем виды кожаном диване, и я спросила: «А зачем тебе эта аспирантура? В редакции интереснее!» — «Понимаешь, — ответил он, — тогда я смогу писать только о том, о чем хочу, а не о том, что мне предложит Женя Лобачев». Лобачев был наш главный начальник, звезд с неба не хватал, выдающимся его перлом было: «Ярко-желтое солнце приветливо сияло на голубом

небе», но приказы обкома КПСС, им озвученные, требовали исполнения. Этот разговор был еще одним звоночком: а не пойти ли и мне по Славиному пути? Привозя своих юнкоров в Горный лагерь Артека, присматривалась, как занимается с ними директор лагеря В. Н. Мануковский. Думала: «Вот бы в школу таких учителей». (Приведя в первый раз старших сыновей в новую для них воронежскую школу, обомлела: директором школы был мой артековский знакомый В. Н. Мануковский.) К тому времени я окончила заочные курсы иняза при МГУ, во французском чувствовала себя увереннее, привезла документы на журфак, но там их спокойненько потеряли и «утешили»: «Девушка, ну зачем вам аспирантура? В Ярославле никогда не будет журфака!». А потом у меня родился третий сын, и было уже не до аспирантуры.

Третий звонок прозвенел уже при новом шефе, выпускнике ЛГУ Г. В. Баунове. Он был способным журналистом, при нем у нас началась действительно творческая жизнь, мы выпускали в эфир коллективные повести «Мы живем на главной улице России», «Биография края моего», за обе работы получили премии Союза журналистов СССР, по последней даже была издана книга в подарочном варианте, но крутиться надо было волчком. Мы с Тamarой Шаровой дежурили буквально через неделю. У нее — две дочки, у меня — три сына. Говорю шефу: «Герман Васильевич, ну почему мужики-то наши не дежурят?» — «Даты посмотри на них, Таня, они после шести едва на ногах держатся!» А дежурство было непростым: надо было перед эфиром прослушать все радиопередачи и на трактовой репетиции просмотреть все телевизионные, но и от собственных плановых передач нас никто не освобождал. От командировок — тоже. «Да я же кормящая мать!» — «Ну брось ты, Татьяна, парню скоро в армию идти!». «Парню» было девять месяцев. Приходилось поздно вечером приезжать на почтово-багажном поезде, а рано утром уезжать снова. Чувствовала, что силы на исходе. При Баунове у нас каждое лето приезжали на практику студенты

из МГУ и ЛГУ. Работать с ними нравилось. Желание работать на факультете журналистики росло, и когда моему мужу ТАСС предложил на выбор девять российских городов, я выбрала Воронеж, так как только в нем готовили журналистские кадры. Юная девчушка из моей редакции сказала: «Вас туда не возьмут. Там всем заправляет одноклассник моего мужа Кройчик. Он все время говорит, что бабам в журналистике делать нечего». Забегая вперед, скажу, что самый теплый прием мне оказал именно Кройчик.

Девушка с улицы

Сразу в университет я не пошла: надо было пристроить ребенка в садик, а единственным садиком в округе был авиазаводский. Ездил с мужем по области, писала в «Коммуну» очерки о работниках культуры. Редактор этого отдела Борис Митрофанович Подкопаев очень благосклонно ко мне относился и ставил мои опусы в воскресные и праздничные номера. Неожиданно в «Коммуне» появилось объявление о конкурсе на кафедре журналистики. Бронислав Табачников, который и здесь остался верным другом семьи, сказал: «Наверное, конкурс объявлен под какого-то определенного человека, но все равно сходи, познакомься. Там есть интересные личности, например метресса Маргарита Стюфляева, очень серьезный исследователь».

Заведующего кафедрой профессора Колосова на месте не оказалось. Мне предложили его подождать. Важная полногрудая блондинка, расхаживая между столами, громко рассказывала о каких-то своих приключениях. Все внимательно слушали и довольно бурно реагировали. Я решила, что, наверное, это и есть метресса Стюфляева. Каково же было мое удивление, когда через час я встретила ее возле нашего дачного автобуса. Оказалось, она жена шофера Гены Панкова и работает на кафедре лаборанткой. А Маргарита Ивановна в тот день тоже была на кафедре и мирно что-то писала в уголочке, не обращая ни на кого внимания. Профессора Колосова я в тот день дождалась. Конкурс действительно был объявлен под Эдуарда Ефремова, но моя персона заинтересовала Горислава Валентиновича, так как за моими плечами уже было два года в молодежной газете и 14 — на радио и телевидении. «Основы тележурналистики» читала Маргарита Ивановна, а с «Основами радиожурналистики» дело обстояло не так блестяще. Эти лекции читал корреспондент

Центрального телевидения Лев Максимов, но поскольку у него не было высшего образования, оформлен почасовиком был корреспондент «Правды» Иван Титов. Они приходили вместе, Лев Петрович рассказывал студентам байки, которые знали все радишки страны, как кто-то выругался при включенном микрофоне, как Осип Абдулов поставил на патефон пластинку и вышел покурить, а пластинку заело, и в эфире две минуты повторялась одна фраза: «Яровое поле жала, яровое поле жала...». Отстояв вахту, друзья получали честно заработанные шесть рублей (столько тогда платили за лекцию преподавателям — не кандидатам наук) и спокойно шли отмечать свершившееся событие. Очевидно, я внушила профессору Колосову доверие, он решил поручить «Основы радиожурналистики» мне, тем более что и друзья-собкоры под пристальным взглядом профессора потеряли интерес к лекциям, но не тут то было. Зам. зав. отделом пропаганды обкома КПСС Г. Ф. Струков сказал грозно: «Зачем же мы будем брать с улицы неизвестно кого?» У этих слов была некая подоплека. Когда муж приехал в Воронеж, в курс его вводил и знакомил с городом сам Виталий Иванович Воротников. А через два месяца позвонил Струков и спросил: «Почему Вы мне до сих пор не представились? Я Вас курирую!» — «Меня здесь никто не курирует, и у меня пока нет к Вам вопросов, а как только возникнут, я представляюсь». И тут подвернулся повод отыграться на мне. Я никак не могла уразуметь, почему я «девушка с улицы»: 14 лет проработала в комитете, имеющем хорошую репутацию, активно сотрудничала с радиостанцией «Юность» и «Пионерской зорькой», работала на съездах комсомола и в зарубежных поездках молодежных делегаций. Соседка Светлана Шамаева привела меня на свою кафедру литературы в пединститут, и Иван Петрович Шибанов меня сразу взял и дал хорошие курсы: «Русская литература начала XX века», «Детская литература», «Выразительное чтение». Еще я вела за Владиславом Свительским в трех узбекских группах практические занятия по литературе пушкинской поры. Мы с ними обсуждали проблемы Онегина и Печорина, будто те были жителями их родного кишлака, в результате узбеки получили 15 пятерок — фурор! По детской литературе я читала модные тогда проблемные лекции, на «Выразительном чтении» показывала записи с исполнением стихов самими поэтами и актерами. Через несколько лет встретила на почтамте сельскую учительницу, и она сказала, что этот курс был у нее

самым любимым. Было очень приятно. В институте я подружилась с Бертой Сергеевной Дыхановой, слушала ее лекции, читала статьи и единственную тогда еще книжку, восхищалась глубиной исследования. В университете за год была только два раза — когда защищались мои дипломники (консультировала я их дома). И тут профессор Колосов снова заговорил о работе на его кафедре. Мне не хотелось уходить из пединститута, но журналистика была все же ближе. В июньские дни на факультет нагрянула проверка из МГУ под руководством заведующего кафедрой радио и телевидения В. Н. Ружникова. Вопрос о преподавании «Основ радиожурналистики» опять встал остро. Горислав Валентинович звонит мне и спрашивает: «Вы слышали такую фамилию — Ружников?» — «Конечно, — отвечаю, — это же автор учебника по радиожурналистике». — «Она знает ваш учебник!» — слышу громкий шепот в телефоне. На следующий день мы встретились, выяснили, что он знает многих моих университетских друзей, а я — его воспитанников, проходивших у меня практику. Всеволод Николаевич предложил мне писать у него диссертацию. В этот раз на факультет меня взяли, правда, год я работала на ставке уехавшего в Финляндию В. Д. Козырева. Профессор Колосов писал в ректорат бумаги типа: «Прошу предоставить кафедре журналистики два письменных стола, книжный шкаф, рулон газетной бумаги и ставку преподавателя для Лебедевой». Прочитав первые слова, на бумаге ставили гриф «В хозчасть», а в хозчасти ставок преподавателей не водилось. Правда, через год пришлось просить две ставки — на факультет пришла экс-корреспондент «Комсомольской правды» Клара Скопина. На сей раз прошение не включало шкафов и столов, и ставки нам с Klarой дали. Сразу же по университету распространилась такая шутка: «У профессора Колосова есть лишние ставки, но он Вас не возьмет. Он взял Лебедеву с тремя детьми и Скопину с четырьмя. Сейчас он ищет женщину с пятью детьми, но пока не нашел».

Мои любимчики

Как только я появилась на факультете, меня загрузили дополнительной работой: я стала куратором первого курса и организатором творческих лабораторий. Лабораторий до Колосова не было, пришлось их создавать, как говорится, с нуля, но зато и ограничений никаких не было: хоть для каждого студента

создавай отдельную лабораторию! Подчас так оно и было: у фельетониста «Коммуны» Котенко практиковался Саша Межов, у корреспондента «Экономической газеты» Козлова — Коля Тарасенко, у собкора «Известий» Комова — Петя Марков. Саша и Коля старательно выполняли задания наставников, чего не скажешь о Пете. Далеко не молодой (выпускник ИФЛИ!) Владимир Ефимович Комов буквально бежал за ним и уговаривал: «Петя, ну давай позанимаемся!» На мой совет просто не ставить зачет по «Мастерству журналиста» известный фельетонист Комов отвечал: «Понимаете, эти деньги жгут мне руки!» (Платили ему за Петю три рубля в неделю, час практических занятий стоил 1 рубль 50 копеек).

Первый курс, на котором я стала куратором, был необычным. План приема на стационар у нас был 25 человек, но в 1976 г. ввели так называемый «балл аттестата» и с ним правило — если балл аттестата не ниже 4,5 и так же сданы экзамены, человек считается поступившим. У нас таких оказалось 49 человек. Благодаря хлопотам Колосова приняли всех. В тот же год оказался и невиданный наплыв иностранцев — 28 человек. Потребовался второй куратор. Им стал Эдуард Ефремов, а после его скорого ухода из университета — Александр Тихонович Смирнов. С ним как-то особенно приятно работалось, да и в свободное время нравилось общаться: мы с мужем частенько бывали у него в гостях, читали и обсуждали с ним редкие книжки из его библиотеки, я приносила ему обнаруженные в художественных журналах портреты Строгановых (его мама была из этого рода), почти все, от младенцев до стариков, чем-то напоминали его.

В те времена у нас часто бывали субботники. Строили первый корпус общежития на Хользунова. Приходилось внимательно следить, чтобы девочки-очкарики не поднимали груз перед собой, чтобы, ссылая обломки кирпича с балконов без ограждения, не упали сами. Свету Гусеву со слабым сердечком за руку отводила на остановку: «Поработала немножко — и хватит, ребята поймут». Иностранцев на стройку не брали, но на весеннюю уборку Кольцовского сквера все явились без приглашения. Отвела им кусок территории, дала задание: убрать сухие листья и траву, окопать деревья. Когда принимала работу, спросила: «А столбы-то фонарные зачем опали?» — «А мы вверх не смотрели!» — был ответ. Вообще в те времена иностранцы и россияне дружили крепче, постоянно помогали друг другу. Вспоминается такой случай:

Танюша Савина, дочка колхозников из-под Старого Оскола, купила дорогуший драп на пальто. К ней за какой-то надобностью зашел однокурсник Симон Курия. Таня похвасталась покупкой. Симон взял ножницы и, глядя на Таню, стал резать драп, да не по прямой, а какими-то невиданными извилинами. Потом взял нитку и иглу, сметал обрезки и надел на Таню. На ее вопрос: «А что теперь?» — он ответил: «Купи пуговицы и подкладку и возьми у кого-нибудь швейную машинку на ночь. Завтра пойдешь в новом пальто!» Такого красивого пальто, наверное, не было тогда ни у кого в Воронеже. Оказывается, Симон Курия работал в Сирии портным, а там был такой закон: если портной начинает шить лучше своего мастера, мастер обязан открыть для него новую мастерскую. Мастеру этого делать не хотелось. Какой-то его клиент, крупный чиновник из компартии, посоветовал отправить Симона на учебу в Советский Союз. На технологию швейного производства он поступить не смог: подкачали знания химии и физики, на журналистике ему учиться не хотелось — не видел перспектив. Я уговаривала: «Симон, ну ведь будет же у тебя когда-нибудь своя мастерская, разве помешает тогда тебе твой собственный модный журнал?» Так и случилось. Семья переехала в Швецию, у них свое ателье и свой модный журнал.

Курс был очень творческий. Над очерками Светы Гусевой рыдало по ночам все общежитие. «Так ведь, Татьяна Васильевна, я и сама плачу, когда пишу!» — по-северному растягивая слова, объясняла Света. Ира Шальмэ любила писать о досуге школьников и сама руководила дворовым разновозрастным отрядом. Как-то летом работала на хлебозаводе, чтобы на вырученные деньги купить шелк и бархат и вышить знамя отряда. Она и сейчас работает со школьниками. У нее четверо собственных замечательных детей. Любил писать о школе и Андрюша Логутков. При обсуждении практики он горячо отстаивал свои позиции, переспорить его было невозможно. Сейчас Андрей — один из руководителей Русской службы Би-би-си, несколько лет проработал корреспондентом Би-би-си в Америке. Хайсам Битар был художником-плакатистом. Выставки его плакатов несколько раз экспонировались на факультете. Практику иностранцы тогда проходили в многочисленных заводских многотиражках Воронежа, только Мухамед Ростом упорно ездил в районную газету в Валуйки: ему хотелось посмотреть, как живут люди в маленьком городке и в деревне.

И он очень хорошо и много об этом писал, в газете его любили и ждали.

Успешно зарекомендовавших себя иностранцев на старших курсах направляли на практику в областные газеты. Одного африканца в «Коммуне» направили в отдел писем — проверять жалобы трудящихся. Первой оказалась жалоба о нежелании домоуправления залатать протекающую крышу. Юноша несколько раз подходил к указанной в письме квартире, пока соседка не объяснила, что семья собирается дома только вечером. Он пришел как раз к ужину. Внимательно посмотрел на черные разводы на потолке, начал расспрашивать об этом. Его усадили за стол и начали уверять: «Мы ни на что не жалеемся, у нас все прекрасно, у нас бесплатное медицинское обслуживание, наши дети каждое лето бесплатно отдыхают в пионерских лагерях!». Накормили его ужином, набили карманы пряниками, баранками, конфетами, проводили до троллейбуса и побежали звонить в «Коммуну»: «У нас течет потолок, мы никуда не жаловались, кроме нашей любимой газеты, а к нам приехал негр из ООН». — «Не переживайте, это — наш человек», — был ответ. В другом студенте иностранца как раз не опознали. В «Молодом коммунаре» ему поручили написать о студенческом строительном отряде, который менял железнодорожные шпалы у станции Придача. Юноша был не очень смуглый, сероглазый, хорошо говорил по-русски. Он подошел к начальнику станции, когда тот разговаривал с подчиненными. «Вы что-то хотели?» — «Да, я хотел бы встретиться со студентами, меняющими шпалы. Где мне их найти?» — «Ну, естественно, на железнодорожном полотне». — «Это я понимаю, но мне идти их искать направо или налево?» — «Скорей налево, чем направо», — рассеянно ответил начальник и снова повернулся к своим сослуживцам. Юноша нашел студентов и написал о них хороший материал. Прочитав подпись под ним: «Камал Прасад Ламсал, студент из Непала», начальник станции схватился за голову: «Господи, если бы я знал, что он иностранец, я бы его за руку отвел к этим студентам!».

На обсуждение практики отдельных студентов приходил весь курс. Помню, Саша Докунихин привез из Верховажского района Вологодской области огромную статью о методе бригадного подряда на лесосеках. Россияне активно обсуждают ее, а иностранцы молчат: не поняли, о чем речь. Наши хитренько смотрят на меня, как вывернись. Рисую им домик-новостройку и объясняю

про бригадный подряд. С домиком понятно, а с лесосекой? По телевидению в это время идет сериал «Инженер Прончатов». «Смотрите?» — «Смотрим, но не понимаем, за что он там ратует». Снова рисую на доске картинку: река, верхний склад, нижний склад, делянки, поселки при них, дорога... «Поняли?» — «Кажется, поняли». Но в африканской жизни вряд ли пригодится... Впрочем, оказывалось, что пригождалось многое. Петер Матеву организовал на Угандийском телевидении по типу наших тележурналы «Клуб кинопутешественников» и «Здоровье», Ивон Мусанаберра придумала для телевидения Габона реалити-шоу в частной швейной мастерской: африканки примеряли новые наряды и обсуждали дамские новости. Флорентине Камале поручили на Малийском телевидении встречать на аэродроме правительственные делегации разных стран. Репортажи о встречах французов и англичан не произвели особого впечатления: на французском в Бамако говорят все, английский учат в школе как иностранный. Но когда красавицу Флорентину стали тепло приветствовать гости из России, ее шеф был крайне удивлен: «Откуда ты знаешь этот непонятный язык?» — «Да я же училась в Советском Союзе, в городе Воронеже!» — «А как ты туда попала, у нас же нет с ними обмена студентами?» — «Маме предложили послать меня от женской организации, а вообще наши там учатся и от Красного креста и Полумесяца, и от компартии». — «Слушай, так это же здорово, мы будем использовать все эти каналы, чтобы посылать студентов в этот твой Воронеж». Сейчас в Бамако едва ли не все тележурналисты — наши выпускники. Главная фишка — говорить между собой порусски. Такой вот маленький Воронеж на африканской земле.

Курс, который я приняла в первый день своей работы в университете, так и остался для меня самым любимым. Сейчас им уже под 50, а они до сих пор приезжают, пишут, звонят по телефону. Вспоминаю распределение, как будто это было вчера. Представитель ректората жаждет в первую очередь выполнить государственный заказ: газетчики требуются в отдаленных районах Саратовской области. Представитель обкома КПСС настаивает на заполнении подобных вакансий в своей области. Студентов не устраивает ни то, ни другое, тем более что, по рассказам предшественников, жилья в райцентрах, как правило, не дают. Первой по списку идет Галя Рыжова без единой четверки в дипломе. Ее ждет родная пензенская молодежка и родители-инва-

лиды. Последнее существенно: со справкой о больных родителях дают свободный диплом. Вторая, с одной четверкой, Света Гусева. На нее заявка из ярославской «Юности». Предлагать вместо областной газеты районку нелогично — ей тоже дают свободный диплом. Дальше, с двумя четверками, идет Лена Малютина. Ей распределение необходимо, но при этом надо учесть, что ее муж — инженер по обслуживанию радиорелейных линий. Работает в Забайкалье, готов переехать в Воронежскую область, была бы работа. Мой сосед, начальник областного управления радиорелейных линий В. П. Юнчаров называет точку: Семилуки. Представитель обкома соглашается, правда, квартиру Лене в Семилуках так и не дали, и ее семья переехала к родителям в Михайловку Волгоградской области, где Лена редактирует районку. Далее никаких персональных заявок не удовлетворили даже отличникам, что уж говорить об остальных. Над Сашей Межовым, заявившим, что его жена после родов попала в больницу, и он каждый вечер сам купает десятидневную малышку, откровенно посмеялись. Саша не подписал направление в Панино и стал обучать подростков игре на гитаре. Любу Золотареву, которая, еще учась в школе липецкого села Доброе, была членом Совета «Ровесников», Всесоюзное радио порекомендовало в Омский областной комитет по радиовещанию и телевидению, но ее туда не пустили: саратовские точки оставались незаполненными. Утирая Любины слезы, я уговаривала: «Саратов не хуже Омска. Ты, как туда приедешь, иди в обком и говори, что со школы практиковалась только во Всесоюзном радио, а в газете работать не умеешь. Тебя на радио и оставят». Так и вышло. Любу назначили заведующей корреспондентской сетью. Выйдя замуж за москвича, она возглавила издательский отдел Института повышения квалификации Гостелерадио, а сейчас работает в Администрации Президента. На подписании актов распределения дело не кончилось. Наташе Калугиной в навязанной ей районке сказали, что свободных мест нет, и она с радостью отправилась на Череповецкое телевидение, где работает до сих пор. Красавиц Таню Савину и Иру Юркову редактор каширской газеты В. Андреев встретил словами: «Вот подыщем вам уголок у старушки...» — «А хотя бы комнату в общежитии нельзя получить?» — робко спросили девочки. Редактор кивнул за окно на колченогую избушку и ответил: «Можно. Там у нас уже живут два холостяка». При этом он сладострастно потянулся, из-под стола разбе-

жались во все стороны винные бутылки. Девочки бегом помчались к автостанции. Этот случай я описала в «Журналисте». В одном из следующих номеров Василий ответил мне, что я сама виновата: не приучаю студентов бороться с трудностями. А трудности были. Иру Шальмэ, которая готова была ехать «куда угодно, лишь бы коллектив был хороший», в Энгельсе тоже встретили сообщением, что вакансий нет. Мой муж, у которого Ира была в творческой лаборатории, «перераспределил» ее в республиканскую молодежку в Сыктывкар, где она действительно нашла и хороший коллектив, и личное счастье. Стоит отметить, что при всех трудностях мои выпускники 1981 г. остались верны профессии. Сейчас, когда почти в каждой области есть свои кафедры журналистики, они совмещают практическую работу с преподаванием, как, например, Светлана Гусева, возглавившая и поднявшая до высоких тиражей несколько ярославских газет.

Горислав Валентинович

Он приехал к нам из Казахстана, будучи уже известным в нашей научной области профессором. То ли отсутствие принадлежности к титульной нации погнало его в дальний путь, то ли желание особенно любимой младшей дочки Верочки учиться в Москве — сказать трудно. Он и сам объяснял это по-разному, видимо, был целый ряд причин для перемены места жительства. Воронеж привлек его ожидаемым размахом работы: сделать из кафедры факультет — задача не из легких, а его организаторская деятельность привлекала, мне кажется, даже больше творческой. Его диссертации, монографии, большие статьи были посвящены философии журналистики, очень тяжело читались и еще тяжелее понимались, как бы и писал он их без интереса, только потому, что надо выполнять план по публикациям. В газеты и журналы он вообще не писал, уступая инициативу молодым. У него всегда было много аспирантов, и к ним он относился, как родной отец. Он вообще был чадолобив, даже если это касалось чужих детей. Путая имена сослуживцев, он всегда помнил, как зовут их детей, и при случае любил поболтать с Сережей Кройчиком, Сашей Смирновым, с моей троичей: «Ярослав, я тебя узнал!» — «Я Вас тоже узнал, Горислав Валентинович!».

Он был невероятно хлебосолен. «Татьяна Андреевна уехала в Москву и оставила мне целый казан плова. Пойдемте ко мне на

плов!» И мы целой толпой, с мужьями и женами вваливаемся к нему на кухню, крошим салаты, достаем из одеяла еще теплый плов и пируем до полуночи...

При нем у нас быстро появилась новая кафедра — истории журналистики — и мы отделились от филфака, пока еще не совсем, но переехали в отдельное здание на Пушкинской, 16 и получили статус отделения журналистики. Горислав Валентинович внимательно следил за тем, чтобы хорошо работали творческие лаборатории, расширялась база практики (ее анализу ежегодно посвящался выпуск газеты «Журналист»), организованно проходил творческий конкурс. Меня он бросил на руководство творческим конкурсом вскоре после моего появления на факультете. Думаю, он сделал это осознанно: в Воронеже меня мало кто знал, значит, возможность поступить «по знакомству» была равна нулю. Это обстоятельство Лев Ефремович Кройчик отразил в посвященных мне стихах, которые кончались словами: «Не зря сам Колосов отныне зовет Вас волжскою твердыней».

Я сидела на приеме документов весь июль (сейчас такую работу выполняют только лаборанты), беседовала с каждым абитуриентом, часто — и с родителями. Почему-то именно такие моменты особенно запомнились. Шестнадцатилетнего Геру Полтаева привезла из Грозного мама. Тревожилась за такого юного сыночка, которого предстояло оставить на чужбине, далеко от дома. Мальчик вырос. Сейчас он возглавляет отдел политики в «Воронежском курьере». При встрече мы иногда вспоминаем его первый день в ВГУ. Папа с мамой привели за ручки юного Сережу Демкина. Он очень быстро освоился на факультете и однажды написал мне великолепный обзор журнала «Вокруг света». П. Н. Варфоломеев красиво разверстал его узким «чердаком» на развороте «Молодого коммунара» и стал уговаривать Сережу работать у них. Но Сережа ответил, что с детства мечтал стать редактором газеты в родных Лисках и сделать ее лучшей среди районных газет области. Считаю, что он добился своей цели. Оля Осетрова не добрала полбалла и переложила документы на заочное отделение. Но возникла какая-то передвижка и освободилось одно место. Я сказала Гориславу Валентиновичу, что самый перспективный кандидат на это место — Оля Осетрова. Но где ее найти? Иду на главпочтамт и неожиданно встречаю Олю с мамой: «Беги скорее в приемную комиссию, перекладывай документы обратно». Сейчас О. В. Осетрова — прекрасный специалист по

рекламе, кандидат филологических наук — преподает в нашем филиале в Старом Осколе. С мамой приехала из Белгородской области тихая девочка Оля Вельдина. Я сказала ей, что с двумя публикациями она может не получить «отлично» на творческом конкурсе. Мама ответила: «У нее в эти дни вышли заметки в трех белгородских газетах. Я мигом за ними слетаю!» Заметки были простенькие, я не представляла Олю будущей звездой, но когда она с первой практики привезла полосу с отчетом о районной партийной конференции, где каждая глава была обозначена пословицей, высвечивающей проблему, я изменила свое мнение о ее творческих возможностях. У Оли были родственники в Москве, и я попросила старшего сына помочь ей с устройством на работу. Он взял ее к себе в журнал «Утро». А когда журнал закрылся, сын перешел в «Вечернюю Москву», а Оля — в «Правду». Как-то он звонит мне и говорит: «Привет от Оли. Я был у нее в “Правде”. В ее приемной сидят пять секретарш с телефонами». Сейчас Оля Вельдина — руководитель пресс-службы администрации Центрального округа Москвы.

Горислав Валентинович любил ездить на научные конференции и всегда брал с собой всех желающих. Как-то приехали в Ростов он, я, Маргарита Ивановна Стюфляева и Лидия Георгиевна Люличева. Слышу, кто-то рассказывает по телефону: «Много знакомых приехало: профессор Прохоров со своим доцентом, профессор Здорова с аспирантом и профессор Колосов — с курятником». Если «курятник» отправлялся без него, он без конца звонил знакомым: «Как там мои?». Когда я приехала защищать кандидатскую диссертацию, встретила на журфаке МГУ хорошо мне знакомого профессора И. В. Кузнецова. «Не волнуйтесь, — сказал он, — у нас хорошо относятся к иногородним диссертантам». После защиты Колосов звонит Кузнецову и спрашивает: «Как там наша Лебедева защитилась?» — «А сегодня защищалась только одна женщина. По детскому радиовещанию. Хорошо защищалась!» — «Ну так это и есть наша Лебедева!» — «Что, я вашей Лебедевой не знаю? Не она!» Горислав Валентинович встревожился. Дома один младший сын, объясняет, что папа уехал с мамой в Москву, живут у Скворцовых. У кого из воронежских лингвистов удалось найти телефон Льва Скворцова, не знаю, но шеф не мог уснуть, пока я не отчиталась о защите. Впрочем, звонить он мог в любое время. «Сегодня шеф меня в 8 утра разбудил», — жалуясь подру-

гам. «А меня в семь!» — смеется Маргарита Ивановна. «А меня в шесть», — хмурится Эмма Худякова. У кого не было телефонов, он звонил соседям: «Позовите, пожалуйста, Льва Ефремовича, мне надо поговорить с ним по очень срочному делу». Двенадцатый час ночи. Нина Васильевна Соколова, накинув пальто на ночнушку, идет за Кройчиком. Дамы в бигудях прячутся по углам. «Лев Ефремович, так я что звоню-то... Мне необходимо с Вами поговорить о Вашей нагрузке на следующий год»... К Эмме Афанасьевне он несколько раз являлся «поговорить о практике» с двумя огромными авоськами пустых бутылок. «Господи, а бутылки-то зачем приволокли?» — «Татьяна Андреевна сказала, что их нужно сдать». — «Так и сдали бы сначала, а потом приходили говорить о практике». — «Да как-то не подумал». «Ну, это у него профессорское!» — объясняли коллеги.

Он был легок на подъем, постоянно бегал в общежитие, благо, наши жили тогда на Энгельса, и он — тоже. Любил вызывать хвостистов «на ковер». На всех заседаниях кафедры он обращался к ним с вопросом: «А у тебя по чем хвост?». Особенно запомнился такой случай: Мавлюд Абдала Хуссейн Ргейбат сдал сессию досрочно и решил поехать домой, в Иорданию. Надо было получить письменное разрешение от заведующего кафедрой. «Подожди, у нас сейчас заседание кафедры», — сказал Колосов. Мавлюд понял его слова буквально: садись и жди. Он сел в президиум рядом с профессором. Обсудили какие-то вопросы, потом ввели хвостистов. Они встали перед президиумом в произвольных позах, напоминающих родезовских «Граждан Кале». Пока «допрашивали» россиян, Мавлюд помалкивал, но когда одному из арабов пригрозили в случае несдачи «хвоста» снизить стипендию, Мавлюд взорвался: «Это что же такое? Если студэнт имеет адна двойка по марксизм-ленинизм, значит он нэ должен курис кушать, а должен кушать адын хлэб?». Колосов с удивлением посмотрел на соседа по президиуму и задал все тот же вопрос: «А у тебя по чем хвост?» — «Какой хвост? У меня даже тройка нэт, только чэтверка и пятерка!» — «Так зачем же ты сюда явился?» — «Мне нужна справка ехать на Родына!» — «Ну, ты, дружок, иди, погуляй, вот кончится заседание кафедры и будет тебе справка!» Мавлюд окончил аспирантуру, успешно защитился в Москве, сейчас профессорствует на родине и, наверное, добрым словом вспоминает своего первого профессора. Сейчас у нас на факультете десять профессоров, а тогда был он один, и

теперешний наш декан, профессор Тулупов, был его первым на воронежской земле аспирантом.

Специализация

Профессор Колосов был главным героем факультетского фольклора. Помню, на одном из моих дней рождения коллеги с удовольствием распевали только что сложенную песню с припевом: «Нет у нас ни ТВ, ни РВ, но зато мы имеем Г. В.». Г. В. Колосов действительно страстно мечтал о ТВ и РВ — аудиовизуальных средствах массовой информации, которые должны были закрепиться на факультете в качестве такой же полноправной специализации, как газетное дело. Этого требовали и заочники (их тогда набирали вдвое больше, чем студентов стационара), большинство которых работали как раз в радиовещании и телевидении Черноземья, южного Подмосковья, Нижней Волги и Северного Кавказа (таков был наш тогдашний, никем не санкционированный, зато реальный регион). Развернуть лекционные курсы из сжатых, но всеобъемлющих «Основ» было делом нетрудным. Сложность заключалась в том, что на отделении не было совершенно никакой техники. Как-то в «Коммуне» написали, что М. И. Стюфляева, заходя в аудиторию, рисует на доске телекамеру и начинает объяснение. Я не замечала у Маргариты Ивановны особых способностей к рисованию, думаю, что кинокамеру, да еще по памяти, ей было просто не нарисовать, но бедственное положение специализации «ТВ и РВ» изложенная ситуация передавала точно. В 1977 г. я оказалась победителем конкурса журнала «Огонек» «По следам советского диплома», и весной 1978 г. этот журнал в качестве поощрения отправил меня на две недели в командировку в журнал-побратим «Кветы», издававшийся в Праге. Программу поездки я составляла сама и включила в нее знакомство с радиовещанием и телевидением — центральным и областным, а также с преподаванием соответствующих дисциплин в Карловом университете. При виде радиостудии величиной с театральный зал и с парящим над ней звукорежиссерским пультом от стены до стены я чуть не расплакалась, хоть и не завистлива от природы. Я не думаю, что какую-то радиотелевизионную технику нам не хотели купить, в нашей стране ее просто не было, Гостелерадио покупало ее в Венгрии и ФРГ, нужды университетов при составлении планов закупок не учитывались.

Мы пытались хоть как-то обеспечить процесс преподавания своих дисциплин звуко- и видеорядом. Маргарита Ивановна сопровождала лекции о художественных приемах телевидения отрывками из документальных фильмов, я показывала студентам фрагменты радиопередач, записанные на гибких пластинках «Кругозора». Горислав Валентинович на какой-то распродаже купил по пять рублей два одинаковых пластмассовых проигрывателя. На вопрос: «Зачем два?» — ответил: «Пока один чинят, другой будет работать». Этот подарок Колосова просуществовал почти тридцать лет. Некоторые интересные радиоиллюстрации остались сейчас без применения. В здании на Пушкинской у нас была кинорубка и откуда-то притащили камеру, предназначенную для наблюдения за покупателями в торговых залах магазинов. Наблюдать в нее за происходящим в аудитории, как на мониторе режиссерского пульта, было интересно, но как только ее переключали на показ изображения на экране, головыплыли в одну сторону, туловища, причудливо изгибаясь, — в другую, и остановить эту вакханалию не было никакой возможности. Была на Пушкинской и радиостудия. Интересен был сам факт ее основания. В приказе ректора Н. А. Плаксенко говорилось: «Оборудовать в бывшем туалете третьего этажа корпуса № 4 радиостудию отделения журналистики». Впрочем, по прямому назначению эта комната не использовалась, наверное, со времен земской школы. Узкая, метра три, и длинная, метров 7—8, она заканчивалась высоким окном с подоконником величиной с двухспальную кровать. Вдоль одной стены стояли стулья, на которых сидели студенты, вдоль другой — столы, на которых располагалась сильно подержанная бытовая радиотехника. Шелчки от ее включения-выключения были неизбежной частью каждой программы. Добавлял шума и самодельный «звукорежиссерский пульт», со скрежетом ползающий по столу при каждом микшировании. Но можно было записывать свои передачи! Корпус был радиофицирован, и желающих что-то рассказать по местному радио было огромное количество. Неожиданно создалась необычная редколлегия: Георгий Георгувяс, Петер Матеву и Андреас Рестрепо. Они готовили беседы о музыке народов мира, концерты по заявкам, интервью об успехах своих товарищей. А успехи такие были! Однажды мадагаскарец Бернандень Пилаза шел мимо Дома актера и увидел плакат с сообщением о том, что состоится областной конкурс самодеятельных кол-

лективов народной песни и танца. В назначенный день собранные Бернанденем по всем вузам Воронежа мадагаскарцы в национальных костюмах, с разнообразными барабанами, пишалками, трещалками неожиданно для организаторов явились на конкурс. Ну разумеется, они заняли первое место, но сельские старушечки ни капельки не обиделись. Такого зрелища они и по телевизору не видели, не то что воочию. Естественно, Бернандень со своей командой был героем радиопередачи, артистов тепло приветствовали в студенческом кафе «Аура», преобразованном даже не из буфета, а из пункта продажи готовых пирожков. Продавали их тоже сами студенты, другого снабжения пищей в корпусе не было предусмотрено. «Аура» была ярко расписана студентами, в ней было уютно проводить встречи с интересными людьми, даже практику старались обсуждать именно там, слушать местное радио — тоже. Георгий, Петер и Андреас директорствовали в радиостудии несколько лет. Сейчас они живут на разных материках, но продолжают общаться. Георгий возглавляет одну из крупных греческих газет, Петер — главный режиссер Угандийского телевидения, Андреас профессорствует в Боливии. Аспирантуру он кончал в Москве. Выбирая тему для диссертации, он попросил совета у своей руководительницы дипломной работы Екатерины Михайловны Ивановой. Она сказала: «Не пиши о современных газетах Боливии. Сегодня они есть, завтра — нет. Напиши о публицистике Маркеса». Андреас несколько раз встречался с писателем в Латинской Америке, а когда «Сто лет одиночества» перевели на русский язык — и в Москве. Писатель спросил: «Кто тебя надумил изучать мою публицистику?» — «Моя воронежская преподавательница Екатерина Михайловна Иванова». Маркес взял яркий фломастер, нарисовал на только что вышед-

шей книге цветок и, не отрывая фломастера от страницы, написал по-русски: «Экатерина, тебе цветок моей любви!». «О, этот автограф дорого стоит», — говорили знатоки. «С голоду умирать буду, а не продам», — отвечала «Экатерина».

В 1985 г. мы стали факультетом. Уезжать из центра не хотелось. В других университетах журналистов на окраины не ссылают: им нужен простор для творчества. На Пушкинской мы при изучении темы «Радиорепортаж» делали записи в выставочных залах, музеях, музыкально-театральной библиотеке. До всех очагов культуры было пять минут ходьбы. А здесь приходится приурочивать запись репортажа к Дню Победы, когда собираются ветераны у вечного огня. Других объектов возможных репортажей в округе нет. Конечно, теперешний контингент не уместился бы на Пушкинской, 16. Сейчас один курс стационара в 2—3 раза больше, чем весь списочный состав студентов в советские годы. И что характерно: редкий выпускник работает не по профессии. Специализация — самый захватывающий предмет: все очень стараются, готовясь к эфиру, ревниво следят за успехами других, радуются похвале преподавателей. В нынешнем помещении у нас есть радиостудия и телестудия. Первое оборудование радиостудии когда-то привез из Старого Оскола наш давний выпускник Ю. И. Помельников. Сейчас он руководит в Белгороде государственной телерадиокомпанией и сам пестует новичков. «А тогда, — говорит, — меня чуть из партии не исключили, мол, надо было при смене оборудования старое в театр отдать. А я ответил, что обучение будущих бойцов идеологического фронта — еще более ответственная задача». Сейчас последний помельниковский МЭЗ стоит как памятник посреди радиокласса, а вокруг на компьютерах со специальными программами монтируют свои творения радио- и тележурналисты.

